

Жизнь и смерть Валерия Воронина.

Собственно, и умирал он дважды...

Была та клиническая, после автокатастрофы, смерть, когда врачи сумели вытащить его. Когда известие о случившемся с ним всех всколыхнуло — и выздоровление, возвращение в строй всех занимало, волновало.

И через шестнадцать лет после того — черная рамочка. И промелькнувшее спустя какой-то срок в прессе невразумительное сожаление, где о безвременности кончины на сорок пятом году говорилось как-то неуверенно. И, конечно, совсем ничего не говорилось о том, что нашли его в бессознательном состоянии на городской окраине с проломанным тяжелым предметом черепом — при так и не ставших известными обстоятельствах. Знавшие его хоть сколько-нибудь близко (а так ведь случается обычно, что, когда человек сходит с круга, узнает его поподробнее гораздо большее количество людей, чем знало прежде, в славе, только мало кому в радость подобное узнавание) не решались произнести вслух жестокие слова насчет того, что лучше уж... чем так жить, как жил он в последние годы, годы после футбола...

Можно бы смело и отсечь теперь эти последние годы. Все списать на болезнь. Сохранить в памяти и для тех, кто не застал его, донести представление о Валерии Воронине в той внешне безупречной законченности его бывшего облика, во всей эталонности спортивной и мужской его красоты, чему останутся свидетельством портреты, сделанные в первой половине шестидесятых годов. В педагогических целях так и делается...

Но мне кажется, что представить истинные возможности Валерия можно и по тем горьким, несчастным для него временам, когда, не вызывая ни у кого особого интереса, а в лучшем случае сочувствие, жалость, соболезнование крушению карьеры и надежд, он тем не менее в мгновения просветлений хотел вернуть себе себя...

В мгновения стремился — и на мгновения добивался.

Весьма неутешительно, конечно, и все же я бы задержался и на этих мгновениях.

В конце концов и в футболе большой игрок полностью выражает себя за мгновение — оттого-то он и большой. И сама жизнь спортсмена, его истинный возраст напоминают географическую карту, где на полях указан масштаб, скажем, один к пятидесяти или к пятистам, то есть один сантиметр равняется пятидесяти или пятистам километрам... Миг озаряет жизнь, не на всю же жизнь согревает — миг остается в истории, а реальная жизнь не в истории протекает, а в буднях, в общежитии, которые, конечно, тоже история, но ведь не обязательно ты и в ней герой...

Я не хочу сейчас спешить все списывать на последствия тяжелой травмы головы после катастрофы, поскольку сильно подозреваю, что нечто серьезное, может быть, самое серьезное в жизни Валерия происходило с ним как раз накануне катастрофы. И катастрофа стала как бы расшифровкой метафоры — до суровости самого что ни на есть реального. Я рискнул бы видеть в той катастрофе самоубийство, пусть и непредумышленное и неосознанное...

Вернувшись с чемпионата мира-66 в Лондоне, где вошел он в символическую сборную, очень успешно сыграв против знаменитейших тогда форвардов Эйсебио и Альберта, доказав тренеру сборной Николаю Морозову несостоятельность сомнений, которых тот по отношению к Воронину не скрывал перед чемпионатом, он находился в каком-то странном состоянии. Его отношения с футболом теперь складывались, как бы минуя и клуб, и даже сборную. словно тайный заговор между ними возник, где футбол, похоже, согласился дать приближающемуся к тридцатилетию Валерию что-то вроде отсрочки. И разрешил неслыханную прежде самостоятельность в определении дальнейшей своей судьбы. За клуб свой он почти не выступал — находился в запасе, но роль его в команде как бы еще больше возросла. Мне иногда казалось, что он столько сил затратил на смещение Морозова с тренерского поста в «Торпедо», что на игру уже ничего не осталось. Действитель-

но, будучи одним из главных инициаторов выдвижения в старшие тренеры Валентина Иванова, он в дальнейшем пальцем о палец не ударил, чтобы хоть чем-нибудь ему помочь. Сам был свидетелем, как на полуфинальный матч Кубка Воронин вообще не приехал, а состав еле-еле набирался: Стрельцов играл с новокаиновой блокадой.

Руководители сборной тоже бы могли предъявить к нему претензии на более чем странные методы подготовки к важнейшим матчам, к образу жизни, весьма далекому от того, что и самым талантливым от природы спортсменам предписан. Но свежи еще были в памяти его разногласия с бывшим тренером Морозовым, когда правда осталась все-таки за игроком, — и к решающим матчам он подошел в наилучшей форме... Опыт, может быть, и навел на новых тренеров на тревожные мысли о дальнейшей судьбе Воронина. Но и вовсе не доверять ему тоже было бы как-то нелепо...

Воронин никогда не был ревнителем строгого соблюдения режима — ни в юности, ни в лучшую для себя пору середины шестидесятых. Перелистывая подшивку газет, наткнешься на критические в его адрес уколы — один журналист даже и озаглавил свою заметку «Опомнись, Валерий», осуждал футболиста за самовольный отъезд в Сочи в самый разгар сезона.

При мне весьма расположенная к нему официантка в ресторане спросила участливо Валерия: не мешает ли ему играть вино? Я ожидал легкомысленно-залихватского ответа типа: «пивка — для рывка, водочки — для обводочки». Но тот сразу помрачнел и серьезно сказал: «Очень мешает. Не представляешь, как мешает...».

После одной из игр тогдашний торпедовский тренер Виктор Марьенко поблагодарил Воронина: «Спасибо, профессионал».

Отношение его к делу было в высшей степени профессионально. Мало кто так умел готовить себя к игре, настроить себя на игру, проявить себя с лучшей стороны именно в трудном матче, в одиночку иной раз переломить ход неудачно для команды складывающегося матча — он не представлял себя на поле иначе как лидером.

Скорее всего подготовка после нарушенного режима стоила ему невероятных трудов, пролития ведер кровавого пота, но перед футболом, перед его ценителями и знатоками он всегда оставался безупречно чист. Хотя для организма эти реабилитации вряд ли проходили бесследно, а с годами, нетрудно предположить, становились все мучительнее.

Лето шестьдесят восьмого года — лето катастрофы — и не могло окончиться для него благополучно.

Он был в очень плохом состоянии, в полном, что называется, «разборе», в душевном раздоре — даже трудно представить себе действующего спортсмена, выступающего на высшем уровне и за сборную страны, такое с собой творящего. Необычайное нервное возбуждение, бессонница, таблетки от бессонницы, принимаемые горстями, — и все равно потом ночи напролет кружение по городу, тайные и явные отлучки со сборов, невозможность сколько-нибудь долго пробыть в одной компании, терпеть одного собеседника, все люди вдруг раздражали его и все равно непрерывно тянуло на люди.

И, наконец, провал в глубокий, как обморок, сон за рулем «Волги», на которой он и года, кажется, не проездил (до этого автомобиля у него не было) — и столкновение с автотраном на рассветном шоссе...

Я готов согласиться с версией, высказанной Валентином Ивановым, что после лондонского чемпионата Валерий почувствовал достигнутый потолок — понял: больше никаких прибавлений в игре не будет, а позиции свои нынешние он-то, при его-то понимании футбола, уж как-нибудь не сдаст. Грустно, но такова спортивная жизнь — и вообще жизнь...

За год до чемпионата мира я видел, в каком состоянии был Воронин после встречи в Москве с бразильцами, когда не справился он с Пеле, — потолок он свой тогда-то уже почувствовал и прямо о том сказал... Но собрался же он к чемпионату мира, сосредоточился...

И потом, при всей склонности Воронина к жизни не без излишеств, не назвал бы я его забубенной головушкой, Стихийные проявления не мешали ему быть и реалистичным в подходе к жизни. Да и не так-то легко далось ему его особое место в большом футболе, и он им дорожил, отлично понимая, что дал ему футбол и что еще может ему дать, не обмани Валерий всеобщих ожиданий.

В юности своей футбольной он взбивал надо лбом кок — под Стрельцова. Мир, однако, узнал его уже с пробором — под Бескова. Бесков стал для него во многом жизненным идеалом. Он, видимо, и свою судьбу примерял к судьбе человека, взявшего Валерия шестнадцатилетним в дубль «Торпедо». Но не мог же Воронин не понимать, каких самоограничений потребует от него жизнь в таком вот направлении?

Он считал, что Стрельцов природно талантливее, чем он, но себя не реализовал, не организовал, на многое после футбола вряд ли может претендовать, и, когда Эдуард учился в высшей школе тренеров, очень удивлялся, что не его, Воронина, направили на учебу, хотя на Валерия к тому времени все давно рукой махнули.

С Ивановым он, скорее, мыслил себя на равных по возможностям, но признавал за собой больше, что ли, современность, широту мышления.

Вообще-то он считал себя по футбольной крови родственным с ними обоими — соединял всегда с ними, рассматривая как бы панораму отечественного футбола. Но и не мог до конца забыть, что кому-то из них стакан с водой подавал, предварительно подольше струю из крана пропустив, чтобы вода была холоднее. И потому иногда склонен был себя, достигнувшего вершин, им в чем-то противопоставить, представить себя человеком с большей жизненной перспективой.

А ведь некоторых козырных достоинств Иванова со Стрельцовым он вовсе не имел — и стоял на почве зыбкой в сравнении с ними. Стрельцов превосходил его душевной независимостью — ему никогда не нужна была суета, непременная публичность, он сумел перенести одиночество с большей стойкостью. Иванов же всегда был серьезнее и яростнее в стремлении настоять на своем, осуществить свои намерения.

Но, конечно же, и у Воронина были свои преимущества перед великими партнерами. Не знаю, совершенно не убежден, вышел бы из него дельный тренер. Но ему, несомненно, предстояло стать заметным деятелем спорта. Не исключено, что для своего поколения он стал бы фигурой, в чем-то напоминающей любимого и чтимого уже несколькими поколениями Андрея Петровича Старостина...

Что же творилось с ним в то именно злополучное лето? Разгадку своего тогдашнего состояния он и унес с собой шестнадцать лет спустя. Никаким не преувеличением будет посчитать случившееся с ним тогда страшным сном — чем же иным? Мне в том лете сейчас чудится что-то прощальное.

Нет, не с жизнью и не с футболом. С молодостью, может быть, с неповторимостью ситуации, где позволено ему быть не таким, как все? Необыкновенной жизни ему всегда хотелось — это чувствовалось в нем. Он ее и обретал в футболе. На поле. Но вот вне «поляны» — сколько же мог он испытывать терпение, претендуя хотя бы на краткость подобной необыкновенности? Испытывал, казалось, терпение, а выяснилось вдруг, что судьбу, саму судьбу.

Главное ведь, если и устал он от игры, от непрерывности ее требований, то ни в футболё, ни в себе Воронин не разуверился — продолжал верить в свою звезду. Иначе, зачем бы и пытаться ему вернуться в футбол после катастрофы, после клинической смерти?

Помню, как в Ташкенте, где играл он за дубль, Валерий держался подчеркнуто в стороне, на дистанции, ему теперь положенной как дублеру, от старшего тренера Иванова, и от лидера Стрельцова, и от выдвинувшихся за пропущенный им сезон игроков. Автографы он давал со смущением, стесняясь, словно за другого Воронина сейчас расписывался. Так-то оно, в сущности и было. Однако расписываться в собственном бессилии, даже догадываясь о нем, Валерий не спешил. Спортсмен проснулся в нем с опозданием

на год, но сила его футбольного мышления была ограничена теперь физическими возможностями.

На поле в основном составе он все-таки вышел. И гол забил Яшину. И любил в оставшиеся шестнадцать лет вспоминать, как «перехитрил Леву» — тот стал в углу ближе к Южной трибуне, а Воронин закрутил над Валерием Масловым к Северной... Но гол этот, ему памятный, ничего уже в судьбе его не переменял. И, грустно думать, отнял то здоровье, что пригодилось бы ему в дальнейшей жизни, — ну не сам гол, разумеется, а подготовка к сезону, тщета ожиданий... Грустно, что кратковременный «кураж» обманчивого возвращения в футбол немедленно погнало его в лабиринт давно отпразднованного. Так и потом с ним бывало: малейший успех, малейший проблеск в делах оказывался для него в результате пагубным. Малейшего — во всех смыслах — глотка иллюзии, что бывшее вернулось, и он выступает в прежнем качестве, и снова всех на виду, снова может рассчитывать на и долгое всепрощение, ему хватало для очередного шага вниз.

Но никуда не денешься от впечатления, что если прежде миг мог равняться годам, то оставшиеся ему шестнадцать лет промелькнули для него мигом, за который ничего он толком не успел...

Чем ему можно было помочь?

Не осуждаю отвернувшихся от него, продолжающего нарушать режим. Кто способен долго выносить похмельную ажиотацию? Непьющим ее попросту не понять, а у пьющих, но в данный момент трезвых, она вызывает омерзение по автобиографическим ассоциациям...

Однако когда брался приводить он себя в порядок, находил в себе энергию к жизни, в английском совершенствовался, прочитывал от корки до корки книгу, газету, мысли высказывал о футбол способные поразить специалистов новизной, помочь ему вызывались и, правда, помогали довольно многие.

И, прежде всего завод — завод Лихачева: без работы — без зарплаты, точнее — он не оставался. Однако применения себе ни в цехе, ни в спортклубе не находил — скучал, тосковал. Помню, гордился он, что, то ли организовал, то ли возглавил «поезд здоровья». Но конечно, по-настоящему занимал его, только футбол. А при здоровье его и при сложившейся репутации тренерской должности ему больше не доверяли.

Журналистика — здесь у него были и некоторые способности, и некоторый интерес к профессии. Но на длительное усилие, на неизбежную черновую работу он не соглашался. Высказать оригинальнейшую мысль — пожалуйста. Но собирать материал к статье ему неинтересно было. Как-то я предложил ему написать статью о Лобановском, попросил что-нибудь вспомнить о нем — вместе же были в сборной, правда, Воронин на первых ролях, а тот эпизодами. Вот это последнее, наверное, и сказалось — Воронин заметил, что помнит только смешное прозвище, данное Лобановскому Шуриком Медакиным. Но где в ту пору был Лобановский и где Шурик Медакин, которого я тоже, конечно, ценил как игрока?.. Кто же такое опубликует про тренера сборной?.. Или ездил он в Тарасовку — и я до сих пор поражаюсь, что Бесков его не прогонял оттуда. Лишнее вам подтверждение, каким выдающимся игроком считался Валерий Воронин, если ему даже Бесков готов был слабости прощать. Что и говорить, он и в тягчайших обстоятельствах жизни оставался Ворониным — прекрасным Ворониным, от магии имени которого видевшим его на поле куда было деться?

Телевидение — вижу его «звездой» телеэкрана, но не представляю его сотрудником, выступающим на летучках, радующимся учрежденческим радостям. Значит, и здесь пути ему были заказаны...

Оставалось скромно служить в спортклубе.

Но что делать, если и надоевший всем, и больной, и не имевший никаких возможностей жить так, как привык, он не переставал ощущать собственную значимость? Он никогда ни на что не жаловался, не просил ничего, кроме того, без чего не мог уж обойтись. Он

чувствовал себя в футбольной истории — и он в ней на самом деле был, он в ней останется. Сейчас-то это совершенно ясно.

Последний раз я разговаривал с ним месяца за полтора до кончины — он позвонил по телефону откуда-то из Орехова—Борисова, кажется, что-то спросил про Высоцкого, что и без меня прекрасно знал. Но я понял, в чем дело — он находился в компании, где не верили в его близкое знакомство с Высоцким. Как было объяснить его новым приятельницам, что в начале шестидесятых Высоцкий, напротив, был польщен знакомством с лучшим футболистом страны. А другой знаменитый поэт у входа в театральный ресторан поспорил на дюжину шампанского с ним — не поверил, что перед ним тот самый Воронин. И Воронин — вот вам еще штрих к портрету характера — пошел в гардероб, взял паспорт, паспорт почему-то оказался в кармане пальто...

Как-то недавно, услышав жалобу одного из спортсменов, некогда знаменитых, на нынешний абсолютный неинтерес к нему, я подумал, что во всем есть свои печальные закономерности. Обычно знаменитые спортсмены (и Воронин здесь не был исключением) водят дружбу — призрачную, как время показывает, дружбу — со знаменитыми, в свою очередь, артистами или другими работниками искусства. Сомневаюсь, что кто-нибудь из «звезд» большого спорта когда-либо дружил с непризнанным художником или непечатающимся поэтом. Престижность как основа приятельских отношений, как правило, имеет оборотную сторону...

Но Воронин, тоже ставший жертвой утраченной престижности, очень хорошо это понимал. Круг знакомых его неотвратно сужался, однако он никогда и не пытался расширить этот круг возобновлением знакомства с людьми, ушедшими от него вместе с футбольной славой. Оказывался в иных кругах, где память о его футбольных подвигах еще чего-то значила.

...Я, похоже, сейчас занялся тем же, что сам он в свое последнее лето действующего футболиста безуспешно и, на мой взгляд, преждевременно попытался сделать и сделал очень уж по-своему. Я, получается, сейчас подбиваю итог его жизни в спорте — другой жизни у него, впрочем, так и не было, не получилось.

Из дали лет он видится фигурой, в общем, трагической. Во всяком случае, драма в жизни его, несомненно, существовала. И скрывать ее не от кого и незачем.

Другой разговор, что своей жизнью и смертью — в равной, я бы сказал, степени — он сталкивает нас с проблемой, которая в память хотя бы об одном только Валерии должна бы, не переставая, нас тревожить...

Александр НИЛИН.

(«Советский спорт», 1987)